

ведь Ленина, который с особой остротой выдвигал постоянно этот вопрос, теперь нет.

Да не дрогнут руки наши, да не опустятся наши боевые красные знамена!

3. ВОСКРЕСЕНСКАЯ*

Сердце матери (1963–1965)

Повесть в рассказах о М. А. Ульяновой

Лучшая отметка

Весело возвращаться домой из гимназии в сентябрьский погожий денек: пышные сады расцвечены багряными красками, воздух напоен запахом созревающих яблок и горьковатых астр.

Дома ждут братья и сестры, веселые игры, прочитанная до самого интересного места книга, гигантские шаги во дворе. А вечером вернется из губернии папа, и ему можно будет с гордостью показать свой дневник, в котором красуются круглые пятерки.

По дороге Володя завернул к женской гимназии, подождал, пока выбежит Оля.

— Ну как? — задал он обычный вопрос.

Оля весело помотала головой, отчего ее коса, похожая на тугую рыбку, описала в воздухе полукруг.

— Из истории двенадцать, и из физики двенадцать, — пропела она тоненьким голоском.

— А у меня из латыни пять, — сказал Володя.

Пять — это высшая отметка в мужской гимназии, а двенадцать — в женской. Схватившись за руки, брат и сестра, цокая башмаками по деревянному тротуару, помчались вниз по Покровской улице.

— Ты знаешь, как я волновалась за физику? — вдруг остановилась Оля. — Сижу за партой и ничегошеньки не помню, а когда учительница вызвала к доске, в голове все пришло в порядок. Ух, как я рада, что не срезалась!

— Ты же вчера свою физику при луне повторяла, — засмеялся Володя. — Я вылез на балкон и видел, как ты пальцем на стекле формулы выводила.

* *Зоя Ивановна Воскресенская* (по мужу — Рыбкина; 1907–1992) — советская разведчица и детская писательница. Лауреат Государственной премии СССР (1968). Полковник.

Володя по-хорошему завидовал сестре, ее усидчивости и терпению. Вот кто умел упорно трудиться!

— Нас кто-то ждет у калитки, — сказала Оля.

Володя прищурил левый глаз.

— Да, какой-то парнишка. Я его не знаю.

Подошли ближе. У изгороди стоял мальчик лет двенадцати, ровесник Володи. Видно было, что он пришел издалека: лапти на ногах совершенно разбиты, длинный кафтан покрыт пылью, за спиной болтается мешок.

— Ты к нам? — спросил Володя.

— Я к главному учителю Ульянову. Люди сказали, что он живет здесь.

— Здесь, здесь, — живо подтвердил Володя. — Это наш папа. Почему же ты неходишь?

— Боязно. Мой отец страдал, что в Симбирске в каждом дворе злая собака.

— У нас никакой собаки нет. Заходи, заходи. — Володя распахнул калитку; Оля прошмыгнула первой и побежала вперед. — Только папу тебе придется ждать, он вернется вечером. Зачем он тебе? — полюбопытствовал Володя.

— В школу мне надо. Учиться.

— Как зовут тебя?

— Иваном.

— Меня зовут Володя, сестру — Оля. Будем знакомы.

— Твой отец сердитый? — спросил Ваня и замедлил шаг.

— Увидишь сам.

Мама с Олей накрывали на стол в беседке, а Володя с Ваней пошли мыться в сарай. Натаскали из кадучки воды, нагретой солнцем. Ваня с любопытством смотрел, как Володя мылил себе голову и как у него под пальцами вырастала пушистая снежная шапка.

И Ваня захотел такую же шапку. Он никогда не видел мыла и не знал его волшебных свойств. Володя фыркал — и Ваня фыркал. Володя обливался из ведра — и Ваня обливался. А потом, вымытый, чистый, с довольным видом осматривал себя в Володиных холщовых брюках и в серой рубашке.

За обедом мама подкладывала Ване самые большие куски. Ваня уплетал за обе щеки и рассказывал, что он давно, еще с весны, решил учиться. А отец не пускал в школу — незачем, говорит, бурлаку учиться. Бурлак бедный, ему ничего не надо знать; если будет много знать, невзлюбит свою жизнь. Отец у Вани бурлак, и дед был бурлаком, а Ваня хочет стать учителем. Люди сказали, что занятия в школе начинаются осенью, когда пожелтеют листья.

Вот Ваня и ждал, пока береза под окном вызолотит свои листочки. Ночью он тайком ушел из дому искать школу. Много деревень прошел — нигде нет школы. Люди сказали, что в Симбирск надо идти, к главному учителю Ульянову, он поможет...

Володя внимательно слушал, подавшись вперед, ссутулив плечи, сдвинув брови, и только тихонько произносил: «Гм... гм... да... да...»

После обеда Володя с Олей повели Ваню к себе наверх, показали ему книжки с картинками.

— Вот это библия! — воскликнул Ваня, разглядывая книжку.

— Какая библия? — удивился Володя. — Это «Хижина дяди Тома». Самая лучшая книжка на свете.

— Нет, библия, — настаивал Ваня. — Я сам видел такую штуку в церкви, только еще красивее.

Брат с сестрой переглянулись. Они поняли, что мальчик никогда не держал в руках книги. Володя был потрясен. Он ровесник Ване и успел прочитать много-много книг, а этот чудесный мир был закрыт для сына бурлака.

Ваня вертел в руках книгу, перелистывая ее, как слепой, ощупывал пальцами строчки, и глаза его оживлялись, когда он встречал картинку.

— Хочешь, почитаю? — предложила Оля.

— Почитай. Покажи, как ты это делаешь.

Ваня слушал и следил за Олиным пальцем. Палец двигался по строчкам-бороздкам, и все бороздки были одинаковые, и каждая страница похожа на аккуратно вспаханное поле. Как же эта девочка высматривает в этих бороздках такие интересные истории и почему, как ни пялит глаза Ваня, он сам ничего этого не видит?

Володя сидел рядом и старался углубиться в латынь. И не мог. Его подавляло смутное чувство недовольства собою, какое-то сознание вины перед Ваней. Илья Николаевич часто рассказывал детям об ужасающей нищете и несправии в деревне. А теперь Володя сам услышал это от мальчика. Чем порадовать Ваню? Подарить ему свою любимую книгу? Но Ваня не умеет читать. Отдать свои сокровища — коллекцию перышек? Но он не умеет писать. Выпросить у Саши для Вани календарь?.. Нет, не то, не то...

Вечером приехал Илья Николаевич. Он был на открытии двух новых сельских школ, вернулся в отличном настроении, и ему не терпелось поделиться своей радостью с Марией Александровной, с детьми.

— Папочка, тебя ждет мальчик Ваня, — начал было Володя.

Но отец уже все знал от мамы.

— Мы поговорим с молодым человеком, а ты иди к себе.

Володя и Оля уселись на сундуке в передней и с нетерпением ждали решения отца.

Ваня вышел из кабинета счастливый. Он ничего не говорил, только смеялся.

Смеялись его глаза, губы и даже кончик сморщенного носа.

Володя побежал к отцу:

— Папочка, как хорошо, что ты определил Ваню в школу! Он такой счастливый!

— Нет, — ответил Илья Николаевич, — он опоздал, и ребята в занятиях ушли далеко вперед.

— Но он опоздал не по своей вине. Ему сказали, что занятия в школе начинаются, когда пожелтеют листья на деревьях. Вот он и ждал, а потом искал школу. Он шел до Симбирска две ночи и два дня. Разве можно, чтобы он вернулся ни с чем? — Перед глазами Володи стояло улыбающееся лицо Вани. — Папочка, разве ты не хочешь, чтобы он учился?

— Ты сам понимаешь, что нельзя задерживать целый класс из-за одного ученика. — Илья Николаевич внимательно смотрел на сына.

Володя вдруг весь вспыхнул, зарделись щеки, заискрились глаза.

Он подошел ближе к отцу:

— Он догонит, папочка. Мы поможем ему — я и Оля. Даю тебе слово.

Складка на лбу у Ильи Николаевича разгладилась, густые брови вскинулись вверх, губы дрогнули в улыбке.

— Вот именно этого я и ждал от тебя. Я буду просить, чтобы Ваню приняли в школу.

Володя порывисто обнял отца и помчался наверх...

Над садом висел серп луны, по небу плыли облака, оставляя за собой рассыпанные звезды. Огромные вязы в саду сильными изогнутыми сучьями, казалось, подпирали небо.

Володя стоял на балконе, вцепившись руками в перила, вглядываясь в Млечный Путь.

На балкон выбралась Оля.

— Я показала папе свой дневник. Он посмотрел на двенадцать по физике и сказал: «Это еще не самая лучшая твоя отметка». А какая же может быть лучше, Володя? — Она взглянула в лицо брату.

Володя молчал.

— О чем ты думаешь?

— О Ване... Ты слышишь? — Володя указал рукой вниз.

Через двор, по дорожке, посыпанной лунным светом, шли папа, мама и старшие — Аня и Саша. Илья Николаевич смеялся особенно задумчиво, и, как маленький колокольчик, звенел голос мамы.

— Ты слышишь? — повторил Володя. — Папа рассказывает про Ваню и радуется, словно открыл новую школу. Вот бы научиться так радоваться!.. — Володя схватил Олю за руку.

— Я знаю, знаю, что такое лучшая отметка! — Оля посмотрела на брата, на его сияющее лицо. — Лучшая каша с тобой отметка будет первая пятерка Вани. Правда?

Володя спрыгнул с перил и заглянул в окно. Ваня спал, крепко ухватив обеими руками «Хижину дяди Тома», которую Володя получил в подарок за успехи и учения.

Письмо

Володя подошел к дому, взялся за ручку двери и медлил повернуть. Из гостиной доносились приглушенные звуки музыки. Играла мама. Совсем недавно сняла она траурный чехол с рояля, и в дом вернулись музыка и песни. По вечерам снова слышалась колыбельная, хотя в колыбели давно уже никто не лежал и самой младшей, Маняше, шел десятый год. Все в семье любили эту песню, и с ней так же трудно было расстаться, как со счастливым детством. А сейчас мама играет что-то свое, импровизирует, словно думает вслух.

Как тяжело Володе было открыть дверь и преодолеть восемь ступенек на террасу! Он остановился у окна. Настенная лампа в гостиной освещала раскрытый рояль, белую голову матери, ее четкий профиль. Какая мама тоненькая и хрупкая, в лице ни кровиночки, даже губы совсем бледные, и только в ярких карих глазах живость, и доброта, и затаенная грусть. Над клавишами летают мамины руки. Пальцы едва касаются клавиш, а струны звучат, как оркестр. Они так близки, мамины руки, что, если бы не было оконного стекла, Володя мог бы до них дотронуться. Чего бы только он не совершил, чтобы оградить маму от новых бед и несчастий!

Он сжал письмо. «Может быть, порвать — скрыть от мамы страшное известие?.. Нет, это невозможно, она узнает по глазам».

Он продолжал стоять у окна. Продлить хоть на несколько минут отдых матери, ее покой. Никогда он еще так нежно не любил мать, как теперь, после смерти отца. Володя видел, с каким мужеством она затаила в себе горе, сделала все, чтобы дети меньше ощущали потерю отца, чтобы в доме не чувствовалось гнетущего траура. Он понимал, каких душевных сил ей это стоило.

И вот снова...

В гостиную бежала Маняша. Мама что-то у нее спрашивает, вынула из-за корсажа часы и покачала головой. Видно, тревожится, что так долго нет его, Володи. Нет, он не зайдет в дом, пока она не кончит играть.

Мария Александровна пробежалась пальцами по клавишам и медленно опустила крышку рояля.

Володя вошел в переднюю.

— Это ты, Володюшка? Что так поздно? — окликнула его Мария Александровна.

— Я был у Веры Васильевны, мамочка, — говорит он скороговоркой, проходя в гостиную и приглаживая обеими руками непослушные кудри на голове.

— Почему ты решил заглянуть к ней? Она же вчера вечером была у нас.

— Мы беседовали о петербургских арестах. В столице раскрыто покушение на царя.

— Опять покушение? — спросила Мария Александровна, вспомнив, что шесть лет назад в симбирских церквах целый день колокола били в набат по случаю убийства Александра II. — Но почему ты решил говорить об этом с Верой Васильевной?

— Она беспокоится, как там Саша и Аня.

— При чем тут они? — И смутная тревога возникает в сердце матери.

— Среди студентов идут аресты. Сашу и Аню могли захватить заодно.

— Что это тебе пришло в голову? Не могут же арестовать всех студентов?.. Володя, ты что-то знаешь? — обеспокоенно спрашивает Мария Александровна.

Володя молчит, потупив глаза, стиснув пальцы.

Мать положила руки на плечи сына:

— Володя, говори, ты не умеешь лгать.

— Мамочка, ничего страшного не произошло. Но Вера Васильевна получила от Песковских сообщение, что Саша и Аня арестованы. Я уверен, что это недоразумение, — поспешил добавить Володя, видя, как побледнела мать. Сам он понимал, что это дело для Саши может окончиться очень плохо.

— Саша и Аня в тюрьме?.. Возможно ли это? Они так далеки от всех этих дел. Саша увлечен естественными науками. Он мечтает о профессорской кафедре. Непостижимо!

— Мамочка, я поеду в Петербург.

— Нет, у тебя скоро экзамены, Володя, выпускные экзамены. В Петербург поеду я, и немедленно. Ты останешься дома с младшими. Сходи за Верой Васильевной, надо посоветоваться с ней. Я пойду к Ивану Владимировичу, он поможет.

— Вера Васильевна сама обещала прийти, а к Ишерскому я пойду вместе с тобой.

...Они шли молча. По прерывистому, тяжелому дыханию матери Володя видел, как ей тяжело. Мария Александровна не замечала прохожих. Володя отвечал на приветствия за мать и за себя вежливым поклоном.

Ишерский сам открыл дверь.

— Мария Александровна, какими судьбами? Добро пожаловать! Лена, — крикнул он жене, — гости к нам, готовь чай!

Мария Александровна опустилась на стул, сдвинула на затылок платок.

— Горе у нас, дорогой Иван Владимирович. Сашу и Аню арестовали в Петербурге. Научите, посоветуйте, что делать, к кому обратиться. Как спасти детей моих?

— Это не в связи с покушением на его императорское величество? — испуганно перекрестился Ишерский.

— Да. Песковский пишет, что в связи с этим. Но мои дети не могли стать террористами — вы их знаете. Родной Иван Владимирович, помогите!

Хозяин дома знаком руки показал жене, чтобы она не входила в комнату.

— К сожалению, я здесь не помощник, — произнес он и, сев за стол, нетерпеливо забарабанил пальцами. — Суд разберется: если они не виновны, их освободят, а если задумали поднять руку на священную особу... Будем надеяться на лучшее. Да поможет вам господь бог!

Володя стоял за спиной матери, обняв ее за плечи.

— Mamочka решила ехать в Петербург, хлопотать. Куда вы посоветуете ей обратиться? — спросил он, прямо глядя в глаза Ишерскому.

— Не могу знать, не могу знать...

— Можете вы, по крайней мере, дать лошадь, чтобы мамочка могла добраться до Сызрани? — спросил Володя.

Ишерский встал.

— С превеликим удовольствием, но я уже отпустил кучера, — пробормотал Ишерский, избегая сверкающего взгляда юноши.

Мария Александровна тяжело поднялась со стула.

Хозяин спешил открыть двери.

— Уповайте на милость божью, на суд праведный.

Мария Александровна медленно спускалась по ступенькам, словно несла на себе новый тяжелый груз.

— И это называется прогрессивно мыслящая личность! — гневно и пылко вырвалось у Володи.

Все внутри него бушевало, протестовало.

— У него семья, Володюшка. Он опасается за ее благополучие... Ступай, Володюшка, на постоялый двор, на почту, найми ямщика, а я пойду домой. К знакомым не заходи, не надо их ставить в тяжелое положение.

Мария Александровна понимала теперь, что бороться за своих детей предстояло ей одной. В глазах симбирского общества она уже не вдова действительного статского советника, а мать государственных преступников. Но для нее, матери, ее дети не могли быть преступниками. Чистый, благородный Саша, справедливый во всем, он не мог пойти на преступление, стать террористом. Хрупкая, нежная Аня, всегда болезненная, мечтательная, увлеченная изящной литературой, — и... террористка? Нет, это невысказано.

Может быть, Иван Владимирович прав: суд разберется, освободит их.

И вдруг в памяти Марии Александровны возник вечер в Кокушкине, когда Саша, Аня и Володя, стоя на крыльце, разгоряченные, потрясая сжатыми в кулак руками, громко, как клятву, повторяли:

...И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной!..

«Сберегите эти слова в сердце своем», — посоветовала она тогда детям. Вспомнилось гимназическое сочинение Саши. «Служба царю не входит в программу моей жизни...»

«Нет, нет, это невозможно», — отгоняла она от себя мрачные мысли. Саша не мог состоять в тайной организации, он сказал бы об этом отцу. Аня поделилась бы с ней, с матерью. У детей не было от родителей тайн.

Нельзя, чтобы глаза застилали слезы, чтобы горе туманило рассудок. Предстоит борьба. Нужно очень много сил. От ее душевной стойкости сейчас зависит все.

Дома ее ждала Вера Васильевна.

Мария Александровна пытливо заглянула ей в глаза. Может быть, и она... Нет, это настоящий друг, это настоящие слезы.

Молодая учительница прильнула к Марии Александровне.

— Что бы ни случилось, я всегда с вами. Да, да, поезжайте в Петербург, хлопочите, действуйте. За дом не беспокойтесь: я каждый день буду здесь.

— Спасибо, спасибо. Я уверена, что все обойдется, все кончится благополучно.

Вера Васильевна уже поведала детям — Оле, Мите и Маняше, — какая грозная опасность нависла над их старшим братом и сестрой. Завтра они об этом узнают в гимназии, надо было их подготовить.

Дети ни на шаг не отходили от матери. Первый раз в жизни уезжает она от них в далекий Петербург. Их доверчивые сердца полны надежды, что маме удастся высвободить Сашу и Аню из тюрьмы и они вернутся домой.

Володя весь вечер ходил от трактира к трактиру, от постоянного двора к почте, навещался к чиновникам, купцам, которые часто ездили в Сызрань и никогда раньше не отказывались прихватить с собой кого-либо из семьи Ульяновых.

Но весть о покушении на царя и аресте детей Ульяновых уже облетела весь Симбирск, и ни у кого не оказывалось в санях места для Марии Александровны.

Одни, отводя глаза в сторону, бормотали что-то несвязное, другие грубо отвечали, что для Ульяновых нет места не только в санях, но и на православной земле.

Трусость, животный страх видел Володя в глазах симбирских обывателей. Даже те, которые любили при случае поиграть словами «свобода, равенство и братство», не прочь были рассказать анекдот о тупости и невежестве Александра III, поплакать над горькой долей русского мужика, теперь всячески подчеркивали свои верноподданнические чувства.

Уже отчаявшись найти сани, Володя вдруг вспомнил, что у его приятеля Гриши отец занимается извозом.

Поздно ночью он постучался в окно деревянного домика.

Гриша, заспанный, взлохмаченный, прижав нос к стеклу, взгляделся в темноту и, узнав Володю Ульянова, накинул полушубок и выбежал во двор.

Выслушав Володю, вздохнул:

— Уламывать отца придется, но ты знай себе да помалкивай. Поворчит, поломается, а поедет. Человек же он!

На рассвете Володя усадил мать в сани, крепко поцеловал ее, заботливо подоткнул со всех сторон плед. Глаза у Марии Александровны были сухи, губы решительно сжаты.

Володя с Верой Васильевной долго стояли на крыльце, прислушиваясь к дребезжанию бубенчика.

Мария Александровна отправилась в долгий и нелегкий путь.